

УДК 801

UDC 801

ДИНАМИЧНЫЕ ЛОКУСЫ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ

DYNAMIC LOCUS IN THE EPIC TEXT

Кузьмина Мария Юрьевна
аспирант кафедры русского языка

Kuzmina Maria Jurievna
postgraduate student of the Russian language department

Курский государственный университет, Курск, Россия, e-mail: Ma-RUS-ja@yandex.ru

Kursk State University, Kursk, Russia, e-mail: Ma-RUS-ja@yandex.ru

Детальный анализ фольклорной картины мира возможен при изучении отдельных лексико-тематических групп. Исследование лексики, относящейся к динамическим локусам, и сравнительный анализ ее функционирования в текстах былин Севера России и Сибири позволяет выявить территориальную специфику языка русского героического эпоса

Detailed analysis of the folk world view is possible with the study of individual lexical and thematic groups. Research lexicon related to dynamic locus and comparative analysis of the functional features of the locus in the texts of bylinas, recorded in Northern Russia and Siberia, reveal the territorial peculiarity of the Russian heroic epos

Ключевые слова: ЯЗЫК БЫЛИНЫ, ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЛОКУС», ДИНАМИЧНЫЕ ЛОКУСЫ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Keywords: LANGUAGE OF BYLINAS, LEXICAL AND THEMATIC GROUP "FOLKLORE LOCUS", DYNAMIC LOCUS, TERRITORIAL DIFFERENTIATION

Художественное пространство фольклорного текста «организует» действие произведения, «может обладать своеобразными “географическими” свойствами; быть реальным или воображаемым» [7, 629]. В настоящее время в филологии не существует единого определения понятия «локус» как составной части художественного пространства. Заимствованный из естественных наук и психологии, термин *локус* не утратил первоначального значения ‘место’ (от лат. *locus*). *Locus* в семиотике стал обозначением «функциональных полей» действия персонажа, то есть мест, связанных для героя с конфликтными ситуациями [8, 10]. В последнее десятилетие термин активно употребляется в культурологии, литературоведении и лингвистике. Локус в культурологии определяется как «место-имение» [10, 180], то есть любое пространство, имеющее границы, включенное в художественный текст автором намеренно или подсознательно. В исследовании прозаического текста локус предлагается понимать, как «модельную плоскостную геометрическую фигуру», имеющую «точку, линию или область привязки

к местности», то есть «центр тяжести» локуса, границы которого определяются не только ландшафтом, но и чувством меры», «это такое пространство, которое субъект (персонаж текста) может лично прочувствовать или представить, “физически“ ощутить. Локус – то место, где происходят локальные события, разворачивается „местная“ жизнь» [3, 67]. В работах по исследованию поэтических текстов локус понимается, как «набор пространственных образов, которые мыслятся как закрытые / внутренние по отношению к человеку, культурно значимые для него и социально освоенные...», для локуса важен признак «тождественности существующему в реальной действительности объекту» [12, 90]. Исследователи, занимающиеся пространственными понятиями, видят в локусе художественного текста «пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы» [19, 112] или «пространственный референт художественного текста, являющийся результатом выбора писателем места (или мест), где будет разворачиваться действие» [20, 12].

Выведем рабочее определение фольклорного локуса, объединив признанные всеми исследователями характеристики: фольклорные локус – это пространство в поэтическом фольклорном тексте, имеющее границы, привязку к конкретному (реальному) месту, в котором происходят локальные значимые события.

И.С. Климас, употребив термин «фольклорный локус», выделила исследуемую лексико-тематическую группу как часть ядра фольклорного лексикона и отнесла ее к артефактам [5, 14]. Среди лексем, принадлежащих к этой группе, она называет: *город, двор, стол, терем, улица, шатер, палата, гридня, пол, столб, церковь, сад, окно, дом, ворота, горница, хата*. В «Словаре языка русского фольклора. Язык былин» [2] сформирована группа «Дом и двор», часть лексем из которой входит в

тематическую группу «Фольклорный локус...», но в «Словаре...» не отражены такие лексемы, как *город, деревня, село, дорога, роستانь, застава* и др., которые мы включаем в эту группу. Также не все существительные, включенные в группу «Дом и двор», будут рассмотрены нами. Такие лексемы, как *воронечина, горничная, грядка, дворник, дома, карниз, кольцо, кровля, печь, сундук* и т.д. не войдут в данную группу, так как «в языке фольклорной поэзии» они не «обозначают именно место действия» [5, 14], что необходимо для отнесения лексемы к фольклорному локусу.

Взяв за основу типологию локусов, выраженных нарицательными именами существительными, которую предложила О.Е. Фролова, обозначим лексико-тематическую подгруппу, исследуемую в данной статье, как «динамичные локусы» (*гавань, дорога, застава, путь, путь-дорога, роستانь, тропинка, шатер* и их фольклорные варианты). Проводя сравнительный анализ, выявим, каким образом проявляются различия в функционировании лексем данной группы на примере трех сборников былинных текстов, собранных в Сибири, на берегах Печоры и Белого моря. Помимо динамичных локусов в классификации О.Е. Фроловой выделены приватные локусы (наименования жилищ), социальные локусы (например, *департамент*), природные локусы, которые мы относим к ландшафтной лексике, и комплексные локусы (такие как *бал* или *игра в карты*).

Лексемы, относящиеся к динамичным локусам, формируют «пространственную зону» дороги/пути. Часть из них (*дорога, застава, путь, путь-дорога, роستانь*) постоянно употребляются в пределах одного контекста, лексемы *дорога, путь* (в значении ‘дорога’) и *путь-дорога* используются как синонимы и могут быть взаимозаменяемы. Лексема *шатер* отнесена нами к динамичным, а не приватным локусам, так как номинирует временное укрытие, необходимое в дороге, то есть шатер

является частью оппозиции «дом-антидом» [12, 93], в которой «антидом» понимается как чужое незащищенное пространство [15, 55].

Таблица 1 - РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ДИНАМИЧНЫМ ЛОКУСАМ, ПО ТРЕМ СБОРНИКАМ БЫЛИН

Беломорье	Печора	Сибирь
Гавань 9	Бел-полот-шатер 1 Бел-шатер 8 Гавань 4 Галань 3	
Дорога 8	Дорога 29	Дорога 7
Дороженька 1	Дороженька 11	Дороженька 1
Дорожечка 21	Дорожечка 11	
Дорожка 49	Дорожка 23	Дорожка 6
Заставушка 8	Застава 31	Застава 1
Путь 3		Путь 2
Путь-дорога 10		
Путь-дороженька 2		
Путь-дорожечка 1	Путь-дорожечка 3	
Путь-дорожка 2		Путь-дорожка 2
Росстань 1	Росстань 4	Росстань 2
Ростанюшки 4		
Шатер 179	Шатер 107	Тропинка 1 Шатер 43 Шатричек 1
	Черн-шатер 4	

«Движение – это естественное состояние персонажей повествовательного фольклора <...> В первую очередь это касается центральных действующих лиц» [9]. Находясь в процессе движения, перемещения в отдалении от дома, былинный герой попадает в динамичные локусы, центральным из которых является *дорога* (и ее фольклорные варианты). Это «значимый локус», «место, где проявляется судьба, доля, удача» [6, 124].

Существительное *дорога* и семантически равные ему *дороженька*, *дорожечка* (не зафиксировано в сборнике Сибири) и *дорожка*, употребляются в былинных сборниках в близких по смыслу контекстах:

Дорога – путешествие. «Самая езда или ходьба, путина, путешествие» [4, 1, 1176]. *Он не слушат царицы Соломанихи, Он*

скорехонько в дорожку отправляйтце, Отправляйтце в дорожку все пол-годика <Б. 23>. Ты садись-ко нонь с дороженьки попить-поись, Ты попить ноньце, поись, хлеба покушати <П. 53>. И повез ко князю ко Владимиру, Ко солнышку ко Сеславичу. И дорогой говорит таковы слова <С. 9>.

Дорога – направление (с конкретизацией свойств дальнейшего пути). «Направленье и расстоянье от места до места» [4, 1, 1176]. «*Хто едет в дорожку прямоезьжую, Да тому, братцы, живу не быть; Да хто поедеть в дорожку в правую, А тому, братцы, жонату быть; Хто в эту левую дороженьку поедет, тому богату быть*» <Б. 69>. *Есть тут три дорожечки широки в стольной Киев-град, Енной дорогой ехатъ три месеча, Другой дорогой ехатъ два месеча, Есть третья дорога прямоежжяая, Ехатъ той дорогой полмесеча; Енной дорогой ехатъ - женату быть, Другой дорогой ехатъ - богату быть, Третьей дорогой ехатъ – живому не быть*» <П. 19>. *Как по этой-сей дороге, там и зверь сидит, Там и зверь сидит, ребята, худой богатырь, Не пропустит он дорогой ни проезжего, Ни проезжего, разбойник, ни прохожего* <С. 30>. Особенностью Беломорского сборника является упоминание Ростовской дороги в одном контексте, нигде более точного названия дороги не встречается. *Поворачивал коня обратно-то Как на ту-ли все дорожочку Ростоськую, Повез ей красну девицу да к отцу, к матери* <Б. 64>.

Выбранная дорога или та, на которой находится герой. «Накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода» [4, 1, 1176]. *Приезжает по дорожки недалёко-то; Под одним-то тут ведь было под сырым дубом Там стоит-то ведь, стоит да три розбойницька* <Б. 1>. *Поехал Добрыня во чисто поле, По тим по дорогам по широким Метал ерлыки, да скоры грамотки* <П. 80>. *Они ехали дороженькой широкою, Луками об луку об седельную, Об седельную луку, об переднюю, Стремяно в стремяно валяцато* <С. 22>.

Опасная дорога, которую необходимо «изведать», очистить от врагов/зарослей или уже очищенная, «уторенная». *Ише хто эту дорожоцьку-ту уторил, Ише хто эту широку-ту уездил? Уторил эту дорожецьку старой старик* <Б. 97>. *Надо ехать дорога чистити; Заросла дорога прямоезжая, Заселился на ней Соловей Рахматович, Тридцать лет не пропускает ни коннаго ни пешаго, Ни проезжа удала добра молодца* <П. 19>. *Ехал я мимо Непра-реки, Очистил вам дорожку прямоезжую* <С. 27>. В сборнике Печоры в былинах «Иван Горденов» употреблен эпитет *кровавая* (6 словоупотреблений) при характеристике опасной дороги. *Ты поедь со своим да со десяточкем, Изведай дорожечку кровавую* <П. 80>.

В былинах Белого моря и Печоры может утверждаться, что герой не пользуется дорогой и воротами, когда покидает город или въезжает в него: *Еще едет Илеюшка не дорожкой, Да ко городу приезжает да не воротами, Еще скачет через стенишку городовую, Через ту же то башню наугольную* <Б. 108>. *Ты ой, мой посол, да скорый гонеч! Ты подем-то едь, да не дорогою, Да во город-от лязь-ко не воротами, Скачи через стену городовую, У дверей не спрашивой придверничкев, У ворот не спрашивой приворотничков* <П. 87>.

Также в былинных сборниках (кроме Сибири) зафиксированы контексты, в которых дорога уже изведена: *Во правой руки у мя дорожки приуцишишоны, Приуцишишоны дорожоцьки, изведаны. Я поеду-ту тепере на круты горы* <Б. 45>. *Я ведь ехал нонь дорожкой старопрежней, Старопрежней дорожкой, прямоезжжоей, На котору поселился кабы Соловей, Поселился он, сабака, убивал вного, Убивал он, как, грабил людей добрых, Он поставил тут заставы великия* <П. 53>. Стоит заметить, что эпитет *старопрежняя* употреблен 4 раза только в былинах «Илья Муромец».

В сборнике Печоры в былинах «Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин» существительное *дорога* дважды в сочетании *пеш дорога*

выступает в качестве обозначения «способа передвижения» [17, 33, 158]: *Пошел-то Олеша пеш дорогою, Настрету ему идет названой брат, Названой-от брат идет Гурьюшко* <П. 85>. Еще одной особенностью Печорского сборника является употребление эпитета *трахтовый* (от тракт) ‘большая дорога, торный езжалый путь, дорога почтовая, установленная’ [4, 4, 821].

Отличием Сибирского сборника является лексикализация существительного *дорога*: оно употребляется как наречие со значением ‘во время пути’. *Мы поехали от ласкова князя Владимира Во Чернигов-град взять Василису дочь Микулишину, Взять ее нечестно, Да дорогой над ней наругаться* <С. 130>.

«Согласно ряду сюжетов, некоторые герои путешествуют по морю или по реке; за подобный проезд водным путем владеющая им Марина Кайдаровна (персонаж редкой былины, существующей в немногих записях) берет пошлину»: *А мы как ведь в гавань заходили, брала с нас ведь пошлины, А ведь как паруса ронили, брала пошлину, Якори-ти бросали – брала пошлину...* <Б. 80>. «Впрочем, такой морской или речной путь практически никогда не называется *дорогой*» [9], при этом фактически является ей, что дает нам право отнести лексему *гавань* к периферии динамичных локусов. Лексема *гавань*, обозначающая «естественную или искусственную защищенную от ветра и волн прибрежную часть океана, моря, реки, служащую местом стоянки судов» [18, 1, 295], зафиксирована в сборниках Печоры и Беломорья. Несмотря на большое количество крупных рек на территории Сибири и Дальнего Востока, таких как Енисей, Ангара, Лена, в былинах Сибири не встречается упоминания о гаванях. В сборнике Печоры, напротив, наряду с общеязыковым употреблен фольклорный вариант лексемы – *галань*, зафиксированный в СРНГ [17, 6, 105]. В беломорских былинах все случаи употребления лексемы описывают искусственные *княжеские* гавани, в текстах былин Печоры в 5

случаях из 7 описаны естественные *тихие* гавани, где былинный герой ищет уединения.

В «Словаре русских народных говоров» *застава* толкуется, как «преграда, опасность, препятствие на пути» [17, 11, 54]. Контексты, в которых застава обозначает естественную природную преграду, нами не учитываются, так как лексема *застава* в данном значении отнесена нами к ландшафтной лексике. Например: *А как перьва-та застава – лесы темныя, А втора-та застава – греди черныя, А как третья-та застава есть ведь реченька Смородинка* <Б. 68>. Динамичным локусом является лексема *застава* и фольклорный вариант, зафиксированный только в былинах Белого моря, *заставушка* со значением ‘воинское подразделение, охраняющее участок государственной границы, а также местоположение такого подразделения’ [18, 1, 575] или ‘преграда, опасность, препятствие на пути’ [17, 11, 54] неестественного происхождения. Например: *Поселился тут ведь Соловей Рахматович. Он сидит ведь кабы сам-от на сырых дубах, На тринадцати сидит как мелких падубках; Кабы были у его ведь сильни заставы: Кабы первая застава станичники, А другая кабы застава граничники, Кабы третья была застава турзы-урзы, Как турзы эте урзы ене проклятыя* <П. 53>. Лексема во втором значении встречается в Печорских былинах.

К динамичному локусу относятся только те случаи употребления лексемы *путь*, в которых значение лексемы сближается с лексемой *дорога*. А в некоторых случаях это сближение приводит к образованию композита *путь-дорога* и фольклоризмов *путь-дорожка*, *путь-дороженька*, *путь-дорожечка* [17, 33, 157]. Представленные композиты в текстах чаще всего репрезентируют значение ‘путешествие’. Грамматическое варьирование элементов данных сближений, с наибольшим разнообразием проявившееся в былинах Беломорья, – пример «вибрации словесной ткани текста» [21, 92]. В контекстах, где сближение еще не произошло, лексемы *путь* и

дорога (а также их фольклорные варианты) употребляются как синонимы. *Как очистил тут дорожку прямоезжую, Он поехал в свой **путь**, в дорожочку А ко тому жа ко городу ко Любому, К своему царю, к приятелю* <Б. 69>. *Все **пути** Екиму рассказывал: – Слушай-ко, Еким сын Иванович, Первая **дорожка** – в Чернигов, Вторая **дорожка** – ко Путерему, Третья **дорожка** – в славен Киев-град* <С. 21>. В былинах Печоры лексема *путь*, не входящая в состав композитов, не встречается. Причина редкого употребления данного существительного в былинах, сближения его с лексемой *дорога* может быть связана с тем, что по значению *дорога* и *тропинка* «гораздо конкретнее, чем лексема *путь*, которое, согласно В.И. Далю (III, 543), обозначает также “способ или средство, образ достижения чего, направление” и, соответственно, имеет более широкий спектр метафорических значений» [9]. В свою очередь, *дорога* и *тропинка* отличаются не только по размеру, но и по способу возникновения «в результате сознательного строительства или спонтанного прокладывания» [9], что подчеркнуто в контексте глаголом *тропить*. *Со вечера пороха, со полуночи белый снег, По этой по порохе, по белу снежку Не зайко пробежал, не горносталько пробежал, Пробежал-то Чурилко сын Пленкович, Он **тропил-то тропинку** ко Велеметеву двору, К задней избушечке, в поваренную и в челединную, Ко той Василисе Николаевне, Ко той ко честной королевине. Он гость гостит во двенадцать лет, Никто про то не знает, не ведает* <С. 141>.

Диалектная лексема *росстань* (*ростань*) имеет значение ‘перекресток или разветвление/пересечение дорог’, зафиксированное как в «Словаре русских народных говоров» [17, 35, 192], так и в Словарях к сборникам былин Печоры и Беломорья [1, 575], [11, 412]. Росстани широкие – место, связанное с выбором дальнейшей дороги, а возможно и судьбы. На росстанях находится *камешек* или *столб*, на котором информация о последствиях выбора героя: *Как пришли ведь три **ростани**,*

три дорожненьки, Как стоит-ле тут ноньце, право дубовой столб На столбу-тут как надписи подписаны, Кабы подрези кому юказаны: «Кабы в правое дорожку идти-ехати, Как во той-ле дорожненьке богату быть; Как в середнюю дорожку, право, ехати, Во средней-то дорожки живому не быть; Кабы в третью-ту дорожку кабы ехати, Как во третьей-то дорожки жонату быть» <П. 53>. Выезд богатыря на росстань может выступать в качестве постоянного сюжетного элемента «Обычно герой обнаруживает там камень или столб с надписью, указывающей варианты предстоящей ему судьбы. Далее следует мотив выбора направления дальнейшего пути» [9]. Таким образом, росстань является важным динамичным локусом, связанным с судьбоносным решением героя, оказавшегося в нем. Территориальной особенностью былин, собранных на берегах Белого моря, является употребление фольклоризма *росстанюшки* [17, 35, 193] с тем же значением. Былины, в которых зафиксировано данное существительное, собраны на разных берегах и от разных сказителей, что исключает идиолектность употребления лексемы.

Существительное *шатер* является высокочастотным в сборниках Белого Моря и Печоры и среднечастотным в сборнике Сибири.

«Богатыри обычно находятся в поле, в шатре или в нескольких шатрах» [13, 329]. Шатер становится необходимым элементом в былине, когда вступает в силу закон, при котором «рассказать о том, что произошло с несколькими героями одновременно, певец не может» [14, 94]. «Пока один герой действует, другой находится в бездействии, иногда даже просто спит. Это мы имеем в былине о Калине и Илье Муромце. Татары надвигаются на Киев. Илья не может один отразить их. Пока он готовит спасение, другие богатыри пребывают в бездействии, находясь в поле, в шатрах, далеко от Киева. Илья готовится к бою, другие же герои, Добрыня, Алеша, Самсон, находятся в состоянии пассивности, даже спят. Когда Илья их вызывает, они все вместе одновременно

бросаются на татар». Данный пример наглядно демонстрирует, что в былинах «отражение действительности подчинено эпическим законам» [14, 93–94]. Подобные контексты встречаются во всех трех сборниках былин: *Богатыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают, Они спят в шатрах да всё не знают-то* <Б. 2>. *Да тут-то они остановились, Раскинули шатер да бел-полотненной, Легли они спать, да опочин держат* <П. 80>. *Раскинули шатры белополотняны, Спали во шатрах трои суточки, На четверты сутки пробуждалися* <С. 22>.

Пока герой внутри шатра, он бездействует: спит, ест, пьет, отдыхает или находится в плену (сюжет о Козарине и его сестре). Выход из шатра в былине равносителен началу активных действий: *Выходил старой да из бела шатра, Залезал он скоро все на сырой дуб, А лошадь отпускал да во чисто поле* <Б. 61>. *Кабы тут-де старой да пробуждается, Он выскакивал старой дак из бела шатру, Он хватал-ле сокольника за черны кудри, Да бросал-же его ноньце о сыру землю, Да срубил-же ему да буйну голову* <П. 6>. *Не пора тебе лежать во белом шатре, Пора тебе выходить со мной переведаваться! Выскакивал Иван из бела шатра В одной тоненькой рубашке без пояса* <С. 48>.

Эпитеты, которыми характеризуется шатер в сборниках, неидентичны. Беломорье: *бел, белый, бел полотняный, белополотняный, белый полотняный, новый белой, новый полотняный, полотняный, свой, тотарин, татарский, черн, черный полотняный*. Печора: *бел, белой-полот-шатер, белый, белобархатный, бел-полотняной, белополотняный, свой, наш русский, черен, черн, черн-шатер, черной, черный, чернбархатный, чистой*. Сибирь: *бел, бел-полотняный, бел полотняный, белополотняный, белый, белый полотняный, полотняный*.

Точно определить по цвету шатра, кому он принадлежит русскому богатырю или врагу, невозможно. В самих текстах былин есть указание на зависимость цвета шатра от национальности его хозяина: *Я слышал от*

*своей бабушки родимой, Што-бы **черн-от шатер** будет неверными, А-бы **белой-от шатер** да наш русский <П. 93>. Тем не менее, это правило не работает в текстах былин, где белыми называются и русские, и вражеские шатры, а черными/чернобархатными шатрами названы вражеские только в былинах «Маево побоище» и «Михайло Карамышев» из сборника Печоры: *Поворачивал коня да ко **черну шатру**, Он-бы гнал кабы круто по чисту полю, Приежжал тогда Михайдушко ко **черну шатру**, Во шатре-то бы Михайло сам послушивает, Кабы злы-то разговоры их татарские <П. 93>.**

Сюжет, в котором шатер, принадлежащий богатырю, назван *черным*, встречается в сборнике Белого моря (единственная былина в сборнике, где употреблен этот эпитет) и Печоры. Это былина о бое Дуная с Добрыней. Добрыня выезжает в поле и видит «необыкновенный шатер. В шатре он видит бочку с вином, чару и пуховую постель. Он выпивает вино, а затем почему-то разносит весь шатер, после чего ложится на перину и засыпает. В таком виде застаёт его Дунай, хозяин этого шатра, будит его и вступает с ним в бой» [13, 140]. Объяснение, почему богатырский шатер черного цвета, дано в книге В.Я. Проппа «Русский героический эпос»: «Дунай в этой былине не служит Киеву и Владимиру, а живет в шатре независимо и самостоятельно. Этот шатер и вызывает негодование и возмущение Добрыни. Шатер носит *нерусский* характер. Он не белый, как все шатры, а черный. Роскошь внутри шатра также носит нерусский, иноземный, может быть восточный и, во всяком случае, не богатырский характер <...> Но самое важное то, что шатер снабжен вызывающей и оскорбительной для богатырей надписью. Надпись эта сулит смерть тому, кто войдет в шатер и притронется к столу, вину и постели. Все это заставляет Добрыню поступить именно так, как это запрещается надписью <...> Этим он бросает вызов неведомому богатырю, нарушающему все обычаи русского воина и воинского товарищества или братства <...> Весь шатер подарен Дунаю ляховинским королем, у которого Дунай состоял на службе. Это

<...> объясняет нерусский характер всего шатра, но оно же объясняет и самого Дуная и его положение по отношению к Киеву и Владимиру. Он служил ляховинскому королю, теперь же не служит никому» [13, 140–141].

Функционирование лексемы шатер в Сибирском сборнике имеет особенности: отсутствие эпитета *черный*, относящегося к *шатру*, и наличие гапакса *шатричек*. *Стояли-то три шатричка, Во тех шатрах три богатыря: Перво(й)-ет богатырь – Илья Муровец, Второ(й)-ет богатырь – Иван русской, Третий богатырь – Олеша поповской сын* <С. 78>.

В печорских былинах упоминаются названия частей шатра: двери, пола правая, пола левая и тынинки. *Заходили ени да нынь во бел-шатер, Да не закинули ю шатра да полу правую, Легли ени спать, да епочин держать* <П. 80>. В сборниках Белого моря и Сибири составные части шатра не названы.

Характеризуя художественное пространство сказки, Д.С. Лихачев говорит о том, что герой отправляется в путь и достигает цели без усталости, дорожных неудобств, болезни, случайных, не обусловленных сюжетом попутных встреч; любые расстояния не мешают развиваться сюжету, они вносят масштабность, «пространством оценивается значительность совершаемого» [7, 630–631], эти же замечания можно отнести к художественному пространству былины. Локусы, формирующие пространство дороги в былинных текстах трех сборников, представлены разными формами лексем, их функционирование имеет яркие региональные особенности, что демонстрирует территориальную дифференциацию языка фольклора.

Список литературы

1. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Т-во А.А. Левенсон, 1901. 618 с. (Беломорье, Б.).

2. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Ч. 1: Мир природы; Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Ч. 2: Мир человека. Курск: КГУ, 2005. 287 с.
3. Гольдин П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 66–69.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., СПб: Б. и, 1903–1909. Т. 1–4.
5. Климас И. С. Ядро фольклорного лексикона. Курск: Изд-во КГПУ, 2000. 95 с.
6. Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 124.
7. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Избранные работы в трех томах. Т. 1. Л.: Художественная литература Ленингр. отд-ние, 1987. С. 260–654.
8. Лотман Ю.М. Проблемы художественного пространства в прозе Н.В. Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 202. С. 10.
9. Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре [Электронный ресурс] // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 206–222. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>
10. Океанский В. П. Локус Идиота: введение в культуруфонии равнины // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, 1999. С. 179–200.
11. Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с. (Печора, П.).
12. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного ун-та. Оренбург, 2005. № 11. С. 87–94.
13. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 603 с.
14. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 324 с.
15. Профатило И.И. Реализация бинарной оппозиции «дом – антидом» в романе Б.А. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: Міжвуз. зб. наук. ст. 2010. Вип. XXIII, ч. 4. С. 55–65.
16. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 497 с. (Сибирь, С.).
17. Словарь русских народных говоров. М.; Л.(СПб), 1965–2010. Вып. 1–43. (СРНГ).
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4. (МАС).
19. Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 111–113.
20. Фролова О. Е. Содержание и методическая интерпретация категории «пространство» при обучении толкованию русского прозаического художественного текста : Иностранные студенты-филологи основного этапа : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Ин-т русского языка. М., 1996. 22 с.
21. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. статей. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

References

1. Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym. M.: T-vo A.A. Levenson, 1901. 618 s. (Belomor'e, B.).
2. Bobunova M.A., Hrolenko A.T. Slovar' jazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny: Ch. 1: Mir prirody; Slovar' jazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny: Ch. 2: Mir cheloveka. Kursk: KGU, 2005. 287 s.
3. Gol'din P. Z. Toponimika, lokus i topos malyh ulic v paradigme semiotiki // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 11 (25): v 2-h ch. Ch. II. C. 66–69.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4-h t. M., SPb: B. i, 1903–1909. T. 1–4.
5. Klimas I. S. Jadro fol'klornogo leksikona. Kursk: Izd-vo KGPU, 2000. 95 s.
6. Levkieskaja E. E. Doroga // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskiy slovar' / pod red. N.I.Tolstogo. T. 2. M., 1999. S. 124.
7. Lihachev D. S. Pojetika drevnerusskoj literatury // Izbrannye raboty v treh tomah. T. 1. L.: Hudozhestvennaja literatura Leningr. otd-nie, 1987. S. 260–654.
8. Lotman Ju.M. Problemy hudozhestvennogo prostranstva v proze N.V. Gogolja // Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Tartu, 1968. Vyp. 202. S. 10.
9. Nekljudov S.Ju. Dvizhenie i doroga v fol'klоре [Elektronnyj resurs] // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift fr Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. M'nchen: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 206–222. Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekljudov26.htm>
10. Okeanskij V. P. Lokus Idiota: vvedenie v kul'turofoniju ravniny // Roman Dostoevskogo «Idiot»: razdum'ja, problemy. Ivanovo, 1999. S. 179–200.
11. Pechorskie byliny. Zapisal N. Onchukov. SPb.: Tipo-litografija N. Sokolova i V. Pastor, 1904. 424 s. (Pechora, P.).
12. Prokof'eva V. Ju. Kategorija prostranstva v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i topusy // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo un-ta. Orenburg, 2005. № 11. S. 87–94.
13. Propp V. Ja. Russkij geroicheskiy jepos. 2-e izd., ispr. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1958. 603 s.
14. Propp V.Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost'. M.: Nauka, 1976. 324 s.
15. Profatilo I.I. Realizacija binarnoj oppozicii «dom – antidom» v romane B.A. Pil'njaka «Volga vpadaet v Kaspijskoe more» // Aktual'ni problemi slov'jans'koj filologii. Serija: Lingvistika i literaturoznastvo: Mizhvuz. zb. nauk. st. 2010. Vip. XXIII, ch. 4. S. 55–65.
16. Russkaja jepicheskaja poezija Sibiri i Dal'nego Vostoka = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1991. 497 s. (Sibir', S.).
17. Slovar' russkih narodnyh govorov. M.; L.(SPb), 1965–2010. Vyp. 1–43. (SRNG).
18. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd. stereotip. M.: Russkij jazyk, 1985–1988. T. 1–4. (MAS).
19. Subbotina T. V. Lokus, topos, urbonim, mikrotoponim: k voprosu o sodержanii prostranstvennyh ponjatij. // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 24 (239). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 57. S. 111–113.
20. Frolova O. E. Soderzhanie i metodicheskaja interpretacija kategorii «prostranstvo» pri obuchenii tolkovaniju russkogo prozaicheskogo hudozhestvennogo teksta : Inostrannye studenty-filogi osnovnogo jetapa : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk : 13.00.02 / In-t russkogo jazyka. M., 1996. 22 s.
21. Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Tradicija: sb. statej. M.: OGI, 2005. 272 s.